

**Политическая глобалистика: конфликт интерпретаций и пути его
преодоления//**
(Полития №2, 2008)

**1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИСТИКА В СООТНОШЕНИИ С
ГЕОПОЛИТИКОЙ, ГЕОЭКОНОМИКОЙ И ГЕОКУЛЬТУРОЙ.**

Современное российское понимание глобалистики обычно включает в себя сразу две существующие в международной научной практики дисциплины: изучение глобальных проблем (global studies) и изучение процессов глобализации (globalization studies).

Изучение глобальных проблем (global studies) - междисциплинарное эмпирическое исследование проблем, принимающих всемирный масштаб, возникшее в конце 1960-х гг. Одной из важнейших проблем, стоящих перед политической глобалистикой (в отличие от других разделов глобалистики), является становление структур глобального политического порядка в современном мире.

Изучение процессов глобализации (globalization studies), т.е. всемирной экономической, политической и культурной интеграции, начало активно развиваться в 80-е гг. XX в. Изучение политической глобализации является одной из важнейших субдисциплин этого направления. Основным недостатком изучения глобализации является то, что в нем, наряду с эмпирическим изучением процессов, характерных для современности, часто конструируются нормативные модели, предусматривающие неизбежность интеграции в разнообразных аспектах жизни человечества. В результате чисто идеологическая или проективная деятельность начинает смешиваться с изучением реальности.

Политическая глобалистика не появилась «ex nihilo»: изучением структур глобального политического порядка занимались и занимаются такие смежные дисциплины как геополитика, геоэкономика и геокультура.

Для этих дисциплин также характерно наличие определенного смешения нормативных и научно-эмпирических элементов. Таким образом, актуальной становится задача исследования возможностей взаимодействия политической глобалистики с ее предшественницами. В частности, актуальным становится вопрос: не наложится ли характерное для геополитики, геоэкономики и геокультуры отсутствие четкой дифференциации между нормативным и эмпирическим знанием, проектированием и изучением реальности, на глобалистику? Не утратит ли в результате политическая глобалистика статус научной дисциплины?

Необходимость выяснения соотношения глобалистики со смежными дисциплинами вызвана, прежде всего, тем, что она, в настоящее время находится, скорее, в стадии становления. Эта наука переживает даже не допарадигмальный (по Т. Куну¹) этап (т.е. в ней отсутствует общепринятый круг вопросов и стандартный набор методов их решения). Политическая глобалистика не имеет и разрозненного, но внутри определенных групп более или менее строго, как в исследованиях международных отношений, фиксированного ряда проблем и подходов к их решению.

Геополитика, геоэкономика и геокультура также еще не состоялись как специфические эпистемологические структуры, отделенные от других структур знания. В этом случае они должны были бы иметь свой собственный язык, определенный круг проблем и методов, набор фиксированных подходов к их решению (пусть даже между этими подходами и шла бы непримиримая «парадигмальная» дискуссия, как в современном изучении международных отношений). Напротив, язык и проблематика этих дисциплин не отделены пока от всего комплекса существующих у человечества знаний. При этом для решения отдельных проблем привлекаются практически любые наборы знаний, из любых существующих дисциплин (от естественнонаучных до социо-гуманитарных). Иными словами, отсутствует «горизонтальная» дифференциация языка и

---

¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.

проблематики геополитики, геоэкономики и геокультуры от других научных дисциплин.

Наряду с этим все еще наблюдается отсутствие и «вертикальной» дифференциации между геоэкономикой, геополитикой и геокультурой как научными дисциплинами и различными донаучными или «сверхнаучными» когнитивно-языковыми комплексами. Проблемы геополитики, геоэкономики и геокультуры можно обсуждать языком политической журналистики (т.е., практически, языком донаучной повседневности). Можно их исследовать также в рамках комплексов знаний, претендующих на «сверхнаучный синтез» (прежде всего, политико-идеологический, но также - философско-критический, метафизический, религиозный и т.д.).

Ниже мы попробуем отчленить нормативные составляющие геополитики, геоэкономики и геокультуры от эмпирических и, соответственно, оценить их вклад в развитие глобалистики как чисто эмпирической дисциплины.

2. ГЕОПОЛИТИКА ИЛИ ИЗУЧЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ.

Эта проблематика развивается в многочисленных исследованиях политико-географического и геополитического характера. Геополитика в широком (историческом) смысле - дисциплина, изучающая взаимодействие и взаимное соотношение пространственных и политических факторов. Политика пронизывает все аспекты человеческих взаимоотношений, она проявляется также в социально-экономической и культурной сферах. Поэтому классическая геополитика включала в себя и эти аспекты. Однако в последнее время изучение геоэкономики и геокультуры начинает выделяться в отдельные направления исследований.

Заложенные Ш.Монтескье еще в XVIII принципы «географического детерминизма» в исследовании политики играли большую роль в различных дисциплинах XIX столетия. Термин «геополитика» во время Первой

Мировой войны был впервые предложен шведским ученым Р.Чалленом, предложившем учение о государстве, как о едином организме, стремящемся к расширению своей территории.

Ниже в аналитических целях мы выделим 3 основных модели геополитических представлений о природе структур мирового порядка.

А. Англосаксонская модель геополитики.

Б. Континентальная (германо-русская) модель геополитики.

В. Французская модель геополитики, отличающаяся наиболее эмпирическим характером.

Каждая из перечисленных выше парадигм геополитики характеризовалась особыми методологическими характеристиками, системами ценностей, а также представлениями об оптимальной политической структуре мира. Особенно очевидно противостояние между англо-американской и германо-русской моделями геополитики. Тем не менее, у них есть и определенный момент общности: мощный нормативно-идеологический заряд. В то же время французская модель геополитики наименее нормативна.

В рамках *структурно-функциональной модели геополитики*, преобладающей, прежде всего, в Великобритании и США, те или иные пространственные структуры играют достаточно строго определенные функции в рамках мировой политики на протяжении человеческой истории. Эта модель геополитики имеет достаточно рациональный характер, в ней избегается введение каких-либо органико-мистических сущностей. Геополитика воспринимается как аналитический инструмент для проведения эффективной международной политики. Идеологически эта модель связана с *модернизационной идеологией*. Последняя ориентирована на *экономическую систему, связанную с инновациями и торговлей*. Для защиты и распространения этой системы предлагаются идеи *«маринизма»* - преобладания стран, связанных с водными пространствами.

Германо-русская геополитика, в целом, методологически, носила *органицистский* характер. В ней подчеркивалась органическая связь отдельного человека с обществом и социума со средой его обитания. Часто эти идеи приобретали трансцендентно-мистический характер. Органицизму в методологии соответствовала идеологическая направленность на защиту *традиционных ценностей* и представление об экономике как ориентированной, прежде всего, на *самообеспечение*. Для реализации этой идеологии часто предлагались идеи «*континентального блока*» сухопутных держав Евразии.

Французская модель геополитики может быть названа «*поссибилистско-прикладной*». Ее отличие от других моделей, прежде всего, методологическое. Она началась с подчеркивания роли человеческой инициативы и в настоящее время занимается, преимущественно, анализом субъективных пространственных представлений.

А. *Англосаксонская модель геополитики*. Основателем англосаксонской геополитики, заложившим ее ключевые идеи, был Хэлфорд Дж. Маккиндер.² Он вычленяет иерархию политико-географических пространств, где приоритетом всегда является центральность положения: Центр Евразии («сердце мира, хартланд» ["heartland"] или "осевой ареал" ["pivot area"]); Евразийский континент; Мировой Остров (World Island) (Азия, Африка и Европа). «Хартланд» является ключевой зоной для контроля над всем миром. Его окружает «внутренний полумесяц» (inner crescent), береговой пояс Евразии. Затем – «внешний или островной полумесяц» (outer or insular crescent).

«Внутренний полумесяц» исторически является зоной борьбы между силами хартланда и «островного полумесяца». При этом цивилизации внутренней части Евразии носят авторитарно-иерархический,

---

² Существовало 3 основных варианта теории геополитики Маккиндера, которые отличаются рядом деталей. См.: Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории// Полис. 1995. № 4; Mackinder H. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. New York, 1919; Halford Mackinder, "The Round World and the Winning of the Peace," Foreign Affairs, vol. 21, no. 4, (July 1943).

недемократический и неторговый характер. Напротив, для цивилизаций «внешнего полумесяца» характерны ориентация на торговлю и демократические формы политики.

Эволюция всех политических структур мира связана с различными этапами противостояния хартланда и «островного полумесяца». В Доколумбову эпоху народы, принадлежащие периферии Мирового Острова живут под постоянной угрозой завоевания со стороны сил хартланда. В Колумбову эпоху представители береговых зон отправляются на завоевание неизвестных территорий Земли, не встречая нигде серьезного сопротивления. В Постколумбову эпоху свободных земель больше нет. В результате разворачивается новый этап столкновения различных народов.

Большой вклад в становление *маринизма*, внес американский стратег А.Мэхэн в работах «Влияние морской силы на историю»³ и «Влияние морской силы на Французскую революцию и империю»⁴. Господство над морями позволяет государству эффективно контролировать все торговые коммуникации, а также - доминировать и в мировой торговле. Эта задача легче всего решается для прибрежных и островных государств. В этом плане ключевой задачей внешних по отношению к Евразии стран является недопущение объединения ее внутренних территорий с целью превращения последних в ведущую морскую силу.

Характер современной американской геополитики во многом заложен работами Н. Спайкмена.⁵ Он полагал, что Х. Маккиндер переоценил историческое значение «хартланда». «Внутренний полумесяц» сам нес в себе потенции для исторического развития. Хартланд же является лишь потенциальным пространством, получающим все культурные импульсы из береговых зон и не несущим их в себе. Поэтому ключевыми с точки зрения

---

³ Mahan A. The Influence of Seapower upon History 1660-1783. London, 1890.

⁴ Mahan A. The influence of sea power upon the French revolution and empire. Boston, 1892.

⁵ Spykman N. The Geography of the Peace, New York: Harcourt, Brace and Company, 1944; Spykman N. America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. New York: Harcourt, Brace and Company, 1942.

структур мирового порядка являются страны «внутреннего полумесяца» или «римланда».

Н. Спайкмен также ввел понятие «Срединного Океана» («Midland Ocean»). Атлантический океан в новейшей истории мира играет ту же роль, что и Средиземное море в древности. По его берегам расположены наиболее развитые в научно-технологическом, экономическом и культурном смыслах зоны мира.

В дальнейшем ключевые идеи Н. Спайкмена были развиты его последователями: Д.У. Мэйнигом ⁶, У.Кирком ⁷, С.Б.Коэном ⁸ и др. Специалистами в области геополитики являются и такие видные политические деятели США, как Г.Киссинджер ⁹ и З. Бжезинский. Последнему принадлежит геополитический проект поддержания в период после окончания «холодной войны» структур мирового порядка, основанных на мировом лидерстве США. ¹⁰

Б. Континентальная, германо-русская геополитика

Основателем немецкой "органицистской школы" можно считать Фридриха Ратцеля. ¹¹ В связи с органической связью государств с занимаемыми ими территориями, последние превращаются в "жизненное пространство" (Lebensraum). Пространственная экспансия государств понимается как аналог органического роста живых организмов.

Карл Хаусхофер переинтерпретировал англосаксонские идеи соотношения сил Земли и Моря на основе немецкого органицизма. ¹² В результате возникла картина извечного мистического планетарного дуализма:

---

⁶ Meinig D.W. Heartland and Rimland in Eurasian History // West Politics Quarterly, IX, 1956, pp. 553-569.

⁷ Kirk W. Geographical Pivot of History. Leicester Universal Press, 1965.

⁸ Cohen S.B. Geography and Politics in a divided world. New York, 1963.

⁹ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.

¹⁰ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы - М.: Межд. отношения, 2000.

¹¹ Ratzel F. Politische Geographie. Munich: R. Oldenbourg, 1897.

¹² Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001; Haushoffer K. Grenzen und ihre geographische und politische Bedeutung. Berlin, 1927.

войны "морских сил" (талассократии) против "континентальных сил" (теллурократии). На ее основе строились различные политические проекты, например, создания "континентального блока" (или оси Берлин-Москва-Токио).

Еще более яркое выражение идеи борьбы стихий приобрели в работах одного из лидеров «консервативной революции» Карла Шмитта.¹³ Политическая культура государств, их социальное и правовое устройство связаны с качественной организацией пространства. Эта связь выражается через категорию «номоса» - специфического синтеза природных и культурных особенностей общества в сочетании с окружающей средой. В работе «Номос земли»¹⁴ К. Шмитт показывает, каким образом специфика того или иного пространства влияла на возникшие в нем культуры и государства. При этом «номос» земли имеет свою принципиальную оппозицию в виде «номоса» моря.

Тема дуализма стихий была подробнее развита затем в работах "Земля и Море"¹⁵, а также - «Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Суши и Моря»¹⁶. На основе двух противоположных стихий возникают два антагонистичных типа цивилизаций, представленных двумя мощными военно-политическими силами: сухопутным «Бегемотом» и морским «Левиафаном».

«Номос» земли характеризуется наличием строгой и устойчивой этико-правовой формы, в которой выражена неподвижность суши (неизменные пространственные ориентации и старые, давно проложенные пути). На основе последних возникает консерватизм в социально-культурной, политической и технической сферах. Водное пространство, напротив, непостоянно и подвержено постоянному изменению, в нем нет

---

¹³ Schmitt C. Der Nomos der Erde. Koeln, 1950; Schmitt C. Land und Meer. Leipzig, 1942.

¹⁴ Schmitt C. Der Nomos der Erde. Koeln, 1950.

¹⁵ Schmitt C. Land und Meer. Leipzig, 1942.

¹⁶ Шмитт К. Планетарная напряженность между Востоком и Западом // Элементы. 1997, № 8.

фиксированных путей. Поэтому господство "номоса" моря связано с постоянной трансформацией структур социума и человеческого сознания. Таким образом, противостояние двух «номосов» эквивалентно борьбе традиционных и «открытых» (используя термин К. Поппера) обществ.

До периода европейского Возрождения «номос» Моря являлся периферийным цивилизационным явлением, не бросающим принципиального вызова господству Земли. Отдельные изменения лишь включались, синтезировались в традицию. Лишь в конце XVI века, благодаря Великим географическим открытиям, ситуация принципиально изменяется. Человечество начинает осознавать себя островом посреди моря. Лидером в этом процессе была Великобритания. Рождается новая цивилизация, связанная с переходом человечества к «номосу» моря.

Другой важнейшей геополитической идеей К. Шмита была идея «большого пространства» (Grossraum).¹⁷ Развитие политических структур органически связано с их стремлением к обретению наибольшего территориального объема. Причина - движение человеческого духа к интеллектуальному синтезу. Конечным результатом этого процесса являются универсальные проекты культурной и политико-социальной организации. Их воплощение в политико-организационной плоскости приводит к территориальному росту политических структур. Становление Grossraum идет не обязательно путем применения грубой силы. Оно может происходить и мирным путем, благодаря принятию несколькими государствами или народами единой религиозной или культурно-цивилизационной формы.

В *русской политической мысли XIX в.* также ставились проблемы соотношения пространственно-географических и политических структур. Прежде всего, широко обсуждались проблемы политических и социокультурных последствий расположения России между Европой и Азией. Многие авторы западнического толка именно с этим связывали

---

¹⁷ Schmitt C. Raum und Grossraum im Voelkerrecht // Zeitschrift fuer Voelkerrecht, 24 (1940), S. 145-179; Schmitt C. Reich und Raum. Elemente eines neuen Voelkerrechts // Zeitschrift der Akademie fuer Deutsches Recht, 7 (1940), S. 201-203.

недостаточную степень европеизации и модернизации России. С другой стороны, славянофилы и позднейшие представители консервативного направления (Н. Данилевский, К. Леонтьев) пытались соединить анализ пространственного положения России с проблемами ее цивилизационно-культурного своеобразия.

Русская геополитика, возникшая в первой половине XX в. в работах евразийцев (прежде всего, Н. Трубецкого¹⁸ и П. Савицкого¹⁹), приняла сходные с германской органицистские формы. Основной идеей стало пространственное отождествление России с Евразией, что приводило к выводам о центральной роли нашей страны в мировой истории. Так, например, согласно П. Савицкому, Россия-Евразия является синтезом мировой культуры и мировой истории, развернутым в пространстве и времени. Этот синтез сложился на основе соединения арийско-славянской культуры, тюркского кочевничества и православной традиции. При этом была существенно пересмотрена роль «туранского» элемента в русской истории, в частности, функция монголо-татарского владычества в жизни России.²⁰

Одним из ключевых терминов Савицкого стало «ощущение» — особый способ восприятия географической действительности. Существуют два основных типа ощущения — ощущение моря и ощущение континента, - первое - западноевропейское, второе — русско-монгольское.²¹

---

¹⁸ Трубецкой Н. О туранском элементе в русской культуре // Евразийский временник, 1925, кн. 4, с. 351-377; Трубецкой Н. Общевразийский национализм // Евразийская хроника, 1927, вып. 9, с. 24-31.

¹⁹ Савицкий П. Поворот к Востоку // Исход к Востоку: Предчувствия и свершения: Утверждение евразийцев. София, 1921; Савицкий П. Степь и оседлость // На путях: Утверждение евразийцев. Москва; Берлин, 1922.

²⁰ Савицкий П. Поворот к Востоку // Исход к Востоку: Предчувствия и свершения: Утверждение евразийцев. София, 1921; Савицкий П. Степь и оседлость // На путях: Утверждение евразийцев. Москва; Берлин, 1922.

²¹ Савицкий П. Степь и оседлость // На путях: Утверждение евразийцев. Москва; Берлин, 1922.

Другим важным понятием стало «месторазвития», синтез социально-исторической среды и занятой ею территории²². В отличие от европейского мира с его «модернистской» тенденцией к преобладанию частей над целым, евразийский мир исторически характеризуется постоянным синтезом. Евразийское государство строится, отправляясь от изначального духовного импульса, идеократически, сверху вниз. Во главе его всегда стоит особый класс «духовных вождей».

В настоящее время органицистские геополитические идеи в Западной Европе развиваются представителями «новых правых» и близкими к ним интеллектуалами, в России – неоевразийцами.

3. Французская модель геополитики.

Французская геополитика, начиная с основателя французской географической школы Видаля де ля Блаша, всегда подчеркивала роль человеческой инициативы и субъективного человеческого сознания.²³ Природно-географические закономерности лишь создают определенную структуру возможностей, которая может актуализоваться в человеческой истории и стать реальным политическим фактором, а может и нет. Человек с его свободой выбора – важнейший географический фактор.

После долгого периода забвения во Франции (связанном с дискредитацией геополитики нацистами) эта дисциплина возродилась, в частности, в работах Ива Лакоста²⁴. Геополитика воспринимается им не как совокупность объективных структур, задающих политические события, а как набор субъективных пространственных представлений. Последние оправдывают позиции конкурирующих властных инстанций, претендующих на контроль над определенными территориями и населяющими их людьми.

---

²² Савицкий П. Географический обзор России - Евразии. // Мир России - Евразия. Антология. М.: "Высшая школа". С. 219 - 232.

²³ de la Blache Vidal. Principes de geographie humaine. Paris, 1921.

²⁴ Lacoste Yves. Dictionnaire Geopolitique. Paris, 1986.

Следовательно, геополитические представления относительно и исторически изменчивы.

3. ГЕОЭКОНОМИКА ИЛИ ИЗУЧЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

В многочисленных политэкономических, экономико-географических, историко-экономических и геоэкономических исследованиях исследуется взаимосвязь пространственных и экономических факторов. Для политической глобалистики здесь важен аспект взаимосвязи политических и экономических аспектов.

Можно выделить 3 основные модели геоэкономики.

1. Либеральная модель.
2. Консервативно-радикальная модель.
3. «Смешанная» эмпирическая модель.

Либеральная и консервативно-радикальная модели описания политического структурирования мира противостоят друг другу в базовом понимании природы экономических процессов в мире. Либералы полагают, что экономическая активность связана со стремлением к качественной однородности в пространственной структуре мира. Напротив, консервативно-радикальная модель предполагает, что мировая экономика невозможна без качественной неоднородности социально-экономических пространств, т.е. без господства одних над другими. В то же время, обе модели несут в себе мощный нормативно-идеологический заряд.

«Смешанная» модель носит эмпирический характер. Она синтезирует идеи экономической однородности и неоднородности. При этом структурообразующая деятельность акторов различных типов предопределяет соотношение противоречивых тенденций к гомогенизации или иерархизации. В данном случае речь уже не идет о равной выгоде или эксплуатации, которые метафизически «встроены» в саму природу международного разделения труда. Сама история создает те или иные

структуры, характеризующиеся большей или меньшей равномерностью распределения экономических возможностей.

А. Либеральная модель.

Согласно теории классика английской политэкономии Адама Смита обмен между государствами взаимовыгоден в любом случае, так как ведет к более эффективному разделению труда и использованию сравнительных преимуществ. Однако в своем анализе разделения труда он практически не обращал внимания на территориальные аспекты вообще. В целом, социально-экономическое пространство для А. Смита было однородным; неоднородность существовала лишь в распределении сравнительных преимуществ естественного характера. *Торговля означает равенство всех сторон.*

В дальнейшем признание эмпирически наблюдаемого неравенства пространств мира либеральные экономисты обычно объясняли неравномерностью модернизации. Незаразвитые территории постепенно уравниваются с более развитыми. При этом мировая торговля как раз способствует развитию бедных стран. Таким образом, пространственная неоднородность политических структур как бы «снимается» временным фактором: некоторые территории «ушли» дальше во времени. «Отсталые» территории благодаря интенсивному общению с передовыми «нагонят» это отставание.

Сходное понимание пространства мира как социально-экономически однородного проявилось и в современной модели «глобальной деревни»²⁵ - теории социально-культурной интеграции и гомогенизации мира по мере развития процесса глобализации. Ученые и публицисты, придерживающиеся монетаристского взгляда на мировую экономику (М.Фридман и др.), также полагают, что глобальная экономика есть своего рода равномерно распределенная по планете сеть экономических и политических взаимосвязей,

---

²⁵ McLuhan H. M., Powers B. R. The Global Village: Transformations in World Life and Media in the 21st Century. Oxford: Oxford University Press, 1989.

обеспечивающих всем участникам мирового экономического процесса “равные возможности” и (в идеале) устойчивое развитие.

Б. Консервативно-радикальная модель. Качественная неоднородность социально-экономических пространств.

В противоположность либеральной английской политэкономии континентальные мыслители как консервативного, так и радикально-социалистического направления подчеркивали качественную социально-экономическую неоднородность пространств. При этом речь шла не о простом разделении труда между ними, а о системе эксплуатации и подчинения одних территорий мира другим. *Торговля означает господство одних над другими.*

В немецкой экономической школе проблема качественной неоднородности экономических пространств разрабатывалась с начала XIX в. В частности, проблемы иерархизации экономических зон сельскохозяйственного производства вокруг города поставил Генрих фон Тюнен в работе «Изолированное государство». Сходные идеи на материале экономик государств развивал классик исторической школы Фридрих Лист.²⁶ В противоположность английскому фритредерству он подчеркивал необходимость ограничения внешней торговли для развития производительных сил страны. Свобода торговли для стран с менее развитыми экономиками ведет к подчинению странам с более сильной экономикой.

Классический марксизм сосредоточился на анализе эксплуатации внутри западного мира: пролетарии и буржуа К. Маркса и Ф. Энгельса жили, прежде всего, в Европе. Тем не менее, уже классики марксизма подчеркивали роль колоний в становлении капиталистической системы. Для позднего марксизма (например, для учения Ленина про империализм) пространственная дифференциация между метрополиями и колониями стала определенной параллелью оппозиции между капиталистами и рабочими.

---

²⁶ Лист Ф. Национальная система политической экономии. М.: Европа, 2005.

Сходные идеи, частично, в опоре на работы Ф. Броделя, были развиты в теории «мирсистемы» И. Валлерстайна.²⁷ Согласно ему современный Земной шар представляет собой иерархически организованную социально-экономическую систему. При этом речь идет не о простом разделении труда, а о системе эксплуатации странами центра территорий периферии. Сходная трактовка характерна, прежде всего, для националистически ориентированных интеллектуальных и политических кругов стран, не входящих в ОЭСР²⁸, а также для левой интеллигенции стран ОЭСР.

Одна из современных моделей глобализации, теория «золотого миллиарда», также подчеркивает неравномерность распределения экономического потенциала в современном мире. При этом, начиная с работ Римского клуба, исчезает представление о том, что неразвитые страны могут догнать развитые.²⁹

В. Синтетическая эмпирическая модель.

Синтетический подход характеризует, прежде всего, работы Ф. Броделя.³⁰ Согласно его взглядам исторически существовали особые структуры: миры-экономики, относительно замкнутые по отношению к другим мирам-экономикам. Их границы были достаточно устойчивы. В

---

²⁷ Wallerstein I. The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. N.Y., L., 1974; Wallerstein I. The Capitalist World-Economy. Cambridge., 1979; Wallerstein I. The Modern World-System, II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600 – 1750. N.Y., 1980; Wallerstein I. The Modern World-System III: The Second Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730 – 1840's. San Diego, 1989; Wallerstein I. Historical Capitalism. L., 1983; Wallerstein I. The Politics of the World-Economy. The States, the Movements and the Civilizations. Cambridge, 1984; Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Спб., 2001.

²⁸ См., например, сходные работы в России: Кагарлицкий Б. Периферийная империя. Россия и миросистема. М., 2004; Чешков М.А. Глобальный контекст постсоветской России: очерки теории и методологии мироцельности / Московский общественный научный фонд. М., 1999; Явлинский Г.А. Периферийный капитализм Москва, ЭПИцентр, 2003. Последняя работа, в наибольшей мере, посвящена внутренней динамике в России.

²⁹ Meadows D. L. et al. The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. New York: Universe Books, 1972.

³⁰ Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986; Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. М. Т. 1 - 3., 1986/1992; Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 1-3. М., 1994/1997.

настоящее время мы живем в рамках глобального мира-экономики, созданном благодаря экспансии западноевропейского мира-экономики, начиная с эпохи Великих географических открытий.

В центре миров-экономик располагается господствующий капиталистический город. Господствующие города сменяют друг друга. Сейчас мы находимся в рамках глобального мира-экономики с центром в Нью-Йорке. Формы и степень господства «центральных городов» исторически очень изменчивы.

Миры-экономики обладают иерархией соподчиненных пространств: узкий центр; второстепенные, довольно развитые области; огромные внешние окраины. Подчиненные пространства также контролируются иерархией менее могущественных городов. Характер общества, экономики, техники, культуры, политического порядка изменяются по мере перемещения из одной зоны в другую. Центр соединяет все самое передовое, что только существует в мире. Следующее звено располагает лишь частью таких преимуществ. Громадная периферия представляет собой, напротив, отстающую и легко подверженную эксплуатации со стороны других территорию (при этом отсталые территории иногда «вкраплены» внутри развитых стран).

Структура миров-экономик очень хрупка. Она обладает «плотностью и глубиной» лишь в центральной зоне. В то же время торговое, финансовое и промышленное преобладание центра над периферией достигается очень скромными, но парадоксально действенными средствами.

В отличие от И. Валлерстайна Ф. Бродель подчеркивает независимость экономического порядка мира-экономики от культурного, политического, социального и иных порядков. Тем не менее, эти порядки взаимно адаптируются друг к другу и проникают один в другой.

Сходная с предложенной Броделем эмпирическая модель экономико-политического структурирования современного мира была разработана в

рамках *теории «глобальных ворот»*.³¹ Она основана на активно развивающейся в последние два десятилетия теории социальных сетей.³² В ее рамках мировая экономика рассматривается как многоуровневая система, верхний «этаж» которой составляет сеть так называемых “ворот в глобальный мир” – компактных территорий мегаполисов, соединяющих в себе функции транспортных узлов, финансовых центров, а также центров образования, науки и политического влияния.

“Ворота в глобальный мир” обеспечивают доступ к глобальной экономике обширным территориям, входящим в сферу их экономического и политического притяжения (“хоре”). Отнюдь не у каждой страны есть такие “ворота”. Поэтому “хора” может охватывать территорию не одного, а нескольких государств, часть которых может, в свою очередь, обладать, «региональными “воротами”» (“воротами” второго порядка). Наряду с этими “хорошо глобализованными” территориями существуют и территории “дальней периферии”, не получающие от глобальной экономики никаких преимуществ, но несущие, наряду со всеми остальными, бремя ее поддержания. Наличие у современного государства собственных “ворот в

---

³¹ Андерссон О., Андерссон Д. (ред.) Ворота в глобальную экономику. М., 2001. См. также работы о различных частных аспектах «воротного анализа»: Ansell C. The Networked Polity: Regional Development in Western Europe. – Governance, vol. 13, № 2., 2000; Baerenholdt J.O., Aarsaether N. Coping Strategies, Social Capital and Space. – European Urban and Regional Studies, vol. 9, № 2., 2002; Dittrich E.J., Schmidt G., Whitley R. (eds.) Industrial Transformation in Europe – Process and Contexts. L., 1995.; Casey T. Social Capital and Regional Economies in Britain. – Political Studies, vol. 52, № 1., 2004; Casson M. Analyzing Regional Business Networks: An Economic Perspective. University of Reading, Department of Economics Working Paper., 2002; Cooke P., Morgan K. The Associational Economy: Firms, Regions and Innovation. Oxford., 1999; Leonardi R. Regional Development in Italy: Social Capital and the Mezzogiorno. – Oxford Review of Economic Policy, vol. 11, № 2, 1995; Morgan K. The Learning Region: Institutions, Innovation and Regional Renewal. – Regional Studies, vol. 31, № 5, 1997.; Sassen S.. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton. 1991; Trigilia C. Social Capital and Local Development. – European Journal of Social Theory, № 4, 2001.

³² Подробнее этот тезис аргументирован в серии наших статей по «воротной глобализации» в России: Сергеев В.М., Кузьмин А.С., Нечаев В.Д., Алексеенкова Е.С. Доверие и пространственное взаимодействие социальных сетей // Полис. № 2. 2007; Сергеев В.М., Казанцев А.А. Сетевая динамика глобализации и типология “глобальных ворот” // Полис. № 2. 2007; Сергеев В.М., Кузьмин А.С., Алексеенкова Е.С., Казанцев А.А. Москва и Санкт-Петербург как центры притяжения социальных сетей // Полис. № 2. 2007; Сергеев В.М и др. Хора” московских “ворот” и сценарии ее развития // Полис. № 2. 2007.

глобальный мир” позволяет национальным политическим, экономическим, научно-образовательным и культурным элитам войти в узкий клуб лиц, участвующих в принятии ключевых решений на глобальном уровне в каждой из этих сфер.

Решающую роль в формировании «глобальных ворот» играет транзакционная экономика (предоставление различного рода высокоспециализированных финансовых и менеджерских услуг), экономика знаний (деятельность в области образования, науки и исследовательских разработок), а также транспортная инфраструктура и инфраструктура связи, обеспечивающие быструю передачу больших потоков информации и высокую способность к медиации человеческих контактов (вокзалы, аэропорты, гостиницы, конференц-залы и т.д.). На территориях «ворот» сосредоточено производство смыслов и образцов текстов (в семиотическом смысле), тиражирующихся в глобальном масштабе (центры кинопромышленности, информационные агентства, редакции глобальных телекомпаний, высокая мода, издательская индустрия, глобальная реклама и глобальный пиар, шоу-бизнес).

“Глобальные ворота” образуются благодаря необыкновенно высокой концентрации в одной географической точке социальных сетей, в первую очередь – сетей доверия. Концентрация социальных сетей разных типов в одной точке обеспечивает резкое снижение транзакционных издержек, в результате чего возникает посреднический центр для всех типов взаимодействий на огромных пространствах. Конфигурация социальных сетей внутри “ворот” также прочно удерживает под их влиянием “хору” и обеспечивает ее “утилизацию” мегаполисом.

Исторически наиболее распространенными сетями доверия были торговые сети. Существование и, тем более, экспансия торговых сетей неизбежно требует доверия (личного или институционального), ибо ни в каком контракте нельзя предусмотреть все аспекты сделки. Сети доверия активно взаимодействуют с сетями власти, от конфигурации которых в

определенных институциональных рамках в решающей степени зависит тип политического режима.³³ В связи с этим «воротный анализ» позволяет вскрыть и многие аспекты политического развития.

Экономические соображения (например, о соотношении торговых экономик стран моря и натуральных экономик стран суши) имели большое значение уже в традиционной геополитике. Геоэкономика как самостоятельная дисциплина «возникла в середине XX века, частично как попытка избавиться от отягощенного одиозными ассоциациями понятия геополитики, активно использовавшегося нацистами».³⁴ В последние два десятилетия геоэкономика бурно развивалась во всем мире благодаря росту значимости экономических процессов в политическом структурировании пространства Земли.³⁵

Одним из наиболее выдающихся выразителей этой идеи является Эдуард Лютвак. В статье «От геополитики к геоэкономике: логика конфликта, грамматика торговли» он противопоставляет геополитику с ее акцентом на использовании военной мощи для достижения внешнеполитических целей геоэкономике как стратегии, ориентированной на победу в экономическом состязании.

---

³³ Это положение подробнее развито в нашей работе: Сергеев В.М., Казанцев А.А. Сетевая динамика глобализации и типология «глобальных ворот» // Полис. № 2. 2007

³⁴ Неклесса А.И. Геоэкономика / <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/>

³⁵ Attali J. Lignes d'horizon. Paris, 1990; Luttwak E. N. From Geopolitics to Geoeconomics. Logic of Conflict, Grammar of Commerce. // The National Interest, Summer 1990, p. 17—23; Luttwak E. N. The Endangered American Dream., New York: Simon and Schuster, 1993; Luttwak E. N. The Coming Global War for Economic Power // The International Economy, september-october 1993; Luttwak E. N. Turbo-Capitalism. Winners and Losers in the Global Economy. L., 1998; Геоэкономика. Под ред. К. Жана, П. Савона. М.: Ad Marginem, 1997; Thurow L.C. Creating Wealth. The New Rules for Individuals, Companies and Countries in a Knowledge-Based Economy. L., 1999; Drucker P.F. Managing Challenges for the 21st Century. N.Y., 1999; Paul Krugman (ed.). Geography and Trade, Cambridge (Mass.): Mit, Cambridge University Press, 1991; Porter Michael. The Competitive Advantage of Nations, London: MacMillan, 1990; Bergsten C. F. The Primacy of Economics // Foreign Policy, Summer 1992, p. 3—24; Kulezka-Mietkowski E., Mietkowski P. Economies et geopolitiques a l'Est // Politique Etrangere, 1/1994, p. 234-244; Borrus M., Weber S., Zysman J., Villihnganz J. Mercantilism and Global Security // The National Interest, Fall 1992; Drucker P. F. Trade Lessons from the World Economy // Foreign Affairs, jan./feb. 1994, p. 99—108; Vernon R. Geo-Economics // The National Interest, Winter 1993-1994.

Другой ключевой идеей геоэкономики является представление о преимущественной политической роли трех ключевых зон экономического развития в современном мире: Североамериканского пространства вокруг США, территории Европы интегрированной внутри ЕС, Азиатско-Тихоокеанского региона, имеющего несколько конкурирующих центров (Токио, Шанхай, Тайвань, Гонконг, Сингапур).

Современные геоэкономические исследования затрагивают и целый ряд взаимосвязанных проблем: способы пространственного структурирования экономической активности в мире; совокупность наблюдаемых в современности экономических процессов в их взаимосвязи с политическими, военными, социальными и культурными сферами; новые субъекты мировой политико-экономической организации (ТНК, международные регионы, города, сетевые и неформальные структуры); противоречия в формально- и неформально-институциональной структуре, регулирующей торговлю и инвестиции в разных регионах мира и на разных уровнях; соотношение различных секторов мировой экономики, например, новых высокоинтеллектуальных и сырьевых; развитие глобального мирохозяйства и кризис регулирования экономики на уровне отдельных национальных государств.

Широкое развитие, начиная с начала 1990-х гг. геоэкономические исследования получили также в России.³⁶

---

³⁶ Кочетов Э.Г. Геоэкономика (Освоение мирового экономического пространства). М.: Изд-во БЕК, 1999; Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме). Под ред. А.И. Неклессы. СПб.: Алетейа, 2000; Постиндустриальный мир и Россия. Отв. ред. В.Г.Хорос, В.А.Красильщиков. М.: Эдиториал УРСС, 2001; Глобальное сообщество: Картография постсовременного мира. Под ред. А.И. Неклессы. М.: Восточная литература РАН, 2002; Россия в центрo-периферическом мироустройстве. Составитель и отв. ред. Д.Ю. Глинский. М.: Московское представительство Фонда Ф. Эберта, 2003; Неклесса А.И. Контуры Нового мира и Россия (геоэкономический этюд) // Знамя. 1995, №11; Неклесса А.И. Конец цивилизации, или Зигзаг истории // Знамя. 1998, №1; Неклесса А.И. Конец эпохи Большого Модерна. // Знамя. 2000, №1; Неклесса А.И. Эпилог истории, или Пакс Экономикана // Новый мир. 1999, №9; Неклесса А.И. Глобальный город: творение и разрушение // Новый мир. 2001, №3; Неклесса А.И. Трансформация истории // Новый мир. 2002, №9; Неклесса А.И. "Пакс экономикана": новое геоэкономическое мироустройство // Экономические стратегии. 1999. N 1. С.11-24; Неклесса А.И. Внешняя политика нового мира: движение к нестационарной системе

4. ГЕОКУЛЬТУРА ИЛИ ИЗУЧЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ.

Культурно-цивилизационные вопросы играли существенную роль и в традиционной геополитике. Ведь взаимодействие человека с ландшафтом, так или иначе, отражалось в его сознании и мире его культуры. В частности, в классических геополитических работах подчеркивалась высокая роль традиционных ценностей для стран суши и ценностей модерна для стран моря.

В целом ряде философских, культурно-антропологических, «цивилизационно»-геополитических, политологических и международно-политических исследований изучается взаимодействие пространственных и культурно-цивилизационных факторов. При этом с точки зрения политической глобалистики важна взаимосвязь культурно-цивилизационных и политических факторов.

В геокультурных исследованиях можно выделить три основные модели.

А. В современном мире все больше усиливается тенденция к *культурно-цивилизационному единству*. На основе синтеза западной цивилизации с локальными культурами возникает единая для всего человечества система ключевых идей, ценностей и практик. Из нее естественно вырастает система универсальных политических институтов.

Б. В мире растет *цивилизационный плюрализм*. Акторам, представляющим различные культуры, все тяжелее договориться друг с другом. Противоречия между цивилизациями будут вести к усилению конфликтов и анархии в мире.

мировых связей // Pro et Contra. – 2002. Т.7. №4; Неклесса А.И. Механика глобальной трансформации. М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2003; Неклесса А. И. Глобальная трансформация и российский узел // Россия XXI. 2003. N 1. С.24-59.

В. Существует и *смешанная, эмпирическая модель*: культурные процессы являются специфической сферой борьбы различных акторов, связанной с другими областями человеческой жизни (экономика, политика, структура социумов). В связи с этим в современном мире наблюдается постоянная борьба тенденций к культурно-цивилизационной интеграции и культурно-цивилизационной дезинтеграции. Они сложным образом соотносятся с процессами политической и социально-экономической борьбы.

Первые две модели резко противостоят друг другу. Однако они несут в себе серьезные элементы нормативно-идеологического характера. Третья модель наиболее эмпирична.

А. Теории культурно-цивилизационного единства.

Представление о неизбежности возникновения единой человеческой цивилизации господствовало в европейской культуре, начиная с эпохи Просвещения. Одним из вариантов этой теории во второй половине XX в. была идея о неизбежности конвергенции систем мирового капитализма и социализма как двух вариантов единого технократического общества.

В современности наиболее четкое выражение универалистская доктрина получила в работе Ф. Фукуямы «Конец истории и последний человек». ³⁷ Сочетание рыночной экономики, современной науки, либерально-демократической идеологии и индивидуализма является наиболее разумной и логичной социальной системой. Человечество двигалось к ней на протяжении всей своей истории. Распад коммунистических режимов означает, что человечество достигло вершины своего развития. Это и есть «конец истории».

Однако мир достигает финала своего развития неравномерно. Современные западные государства уже пришли к вершине постистории. Развивающиеся страны все еще пребывают в мире истории. Для Запада какие-то важные события происходят лишь там, где имеют место

---

³⁷ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.

столкновения «постисторической» и все еще живущей в истории части человечества.

Б. Цивилизационный плюрализм.

Представление о том, что для каждой цивилизации характерны собственные законы развития, возникло в работах Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби.³⁸ Исследования в области международных отношений также с момента возникновения этой дисциплины инкорпорировали элементы культурно-антропологического подхода.³⁹

Применение «цивилизационного» или культурно-антропологического подхода к изучению способов политического структурирования современного мира наиболее последовательное выражение получило в работе С. П. Хантингтона «Столкновение цивилизаций и становление нового мирового порядка».⁴⁰

Интенсификация контактов по мере глобализации ведет к тому, что люди начинают все больше обращаться к собственным цивилизационным корням как к способу самоидентификации и постановки экзистенциальных «предельных вопросов». В результате на всей планете разворачиваются процессы десекуляризации, традиционализации и индигенизации. Господство Запада по окончании «холодной войны» поверхностно. Ему предстоит столкнуться с вызовом со стороны других цивилизаций (исламской, славяно-православной, конфуцианско-китайской, японской, индуистской, латиноамериканской и, возможно, африканской).

---

³⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991; Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993; Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т.2. Всемирно-исторические перспективы. М: Издательство Мысль, 1998; Тойнби. А. Постижение истории. М.: Прогресс, 1990.

³⁹ См., например: Kardiner Abram. The Psychological Frontiers of Society, With the Collaboration of Ralph Linton, Cora Du Bois, and James West. Westport, Conn. : Greenwood Press, 1981 (первое издание – 1945).

⁴⁰ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и становление нового мирового порядка. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

Линии развития народов, представляющие разные цивилизации в обозримой перспективе будут расходиться (хотя через длительное время и возможно возникновение всемирной цивилизации). Попытки отдельных государств (например, России) перенять элементы чужой (западной) цивилизации не ведут к успеху.

Каждая из цивилизаций представляет специфическую пространственную структуру. В центре ее может лежать «государство-ядро» (core state), т.е. главная политическая система этой цивилизации. На него ориентируется общественное мнение всех, кто идентифицирует себя с соответствующим мировоззрением и системой ценностей. Например, Китай для конфуцианской, Индия для индуистской, Россия для православной, США для Западной цивилизаций. В то же время в некоторых цивилизациях (ислам) «ядро» еще не выделилось. На статус главного государства там претендуют Турция, Иран, Саудовская Аравия, Египет, Индонезия и другие государства.

Цивилизации сталкиваются между собой на границах (fault lines). Именно там возможна интенсификация локальных конфликтов. Следует предпринимать все усилия, чтобы локальные конфликты не переросли в глобальные межцивилизационные войны. В качестве наиболее вероятных противников Запада Хантингтон указывает на Китай и некоторые исламские государства (Иран, Ирак, Ливия и т.д.).

В. Смешанная, эмпирическая модель

Представление об интеграционно-дезинтеграционной динамике культуры как специфической сфере борьбы различных акторов восходит к гегельянству и, особенно, к марксистской теории идеологии. В современности наиболее последовательным выразителем этой традиции является И. Валлерстайн. Именно он впервые предложил термин *геокультура*.

Согласно Валлерстайну дилемма двух крайних интерпретаций культуры - универсальной и локальной – абсолютно ложная. Локальное

невозможно без универсальной системы выражения, универсальное всегда проявляется в каком-то конкретном месте.⁴¹

В рамках мирсистемы возникают специфические культуры как системы ценностей и правил.⁴² Они играют легитимирующую функцию для экономических и политических структур. Современная мирсистема возникает с XVI в. Однако она долгое время существует без геокультуры. Последняя появляется лишь с периода Французской революции. Парадокс этой геокультуры заключался в том, что иерархическая система мирового капитализма оправдывалась при помощи эгалитарных лозунгов, исполнение которых переносилось в историческую перспективу.

Геокультура имела два основных принципа: 1) нормальность постоянных изменений во всех сферах жизни общества; 2) суверенитет народов как единственных легитимных субъектов этих изменений. Этот тезис был инкорпорирован во все три «большие» идеологии XIX в.: консерватизм, либерализм, радикализм (социализм). Тем не менее, две крайние идеологии (консерватизм и радикализм) «пропитались» либерализмом. Поэтому геокультура основана, прежде всего, на либеральных принципах. Эти либеральные принципы геокультуры поддерживались и коммунистической системой во главе с СССР. Господство геокультуры завершилось, начиная со студенческих революций 1968 г. В связи с этим в современности мирсистема снова не имеет легитимирующей структуры. Это одна из причин ее будущего распада.

Эмпирические различия между культурами разных стран и народов стали предметом изучения сравнительной политологии.⁴³ Наиболее интересной методикой для подобных исследований представляется та, что

---

⁴¹ Валлерстайн И. М. Глобальная культура — спасение, угроза или миф? <http://www.archipelag.ru/geoculture/concept/global/global-culture/>

⁴² Валлерстайн И. М. Непреодолимые противоречия либерализма: права человека и права народов в геокультуре современной мирсистемы // Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.

⁴³ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. // Полис, 1997. # 4, с. 6-33.

была разработана на основе анализа феноменов этничности, этноидентичности и национализмов.⁴⁴ Все существующие политические сообщества являются «воображаемыми».⁴⁵ Задача исследователей – изучить факторы, стоящие за их формированием. Последние представляют собой комбинации базовых цивилизационных и ситуативных факторов (социальных, политических, экономических).

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ГЕОПОЛИТИКИ, ГЕОЭКОНОМИКИ И ГЕОКУЛЬТУРЫ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИСТИКИ.

В целом, в с точки зрения анализа различных аспектов глобальных политических структур в рамках геополитики, геоэкономики и геокультуры можно выделить три основных подхода, которые достаточно универсально прикладываются ко всем трем дисциплинам: *универсализм, партикуляризм и «смешанная модель»*. Первые два подхода идеологически противостоят друг другу. Однако наличие общего нормативно-идеологического заряда, как раз, и объединяет их. Третий подход в наибольшей степени эмпиричен и деидеологизирован.

Универсализм в пространственно-политических (геополитических) исследованиях носит рационализированный структурно-функциональный характер. Он также приобретает форму ориентации на претендующую на всеобщность модернизационную либерально-демократическую и рыночную систему. Подчеркивается роль морских держав в поддержании и распространении по миру соответствующих структур. В экономике универсализм выдвигает тезис о движении к качественной однородности

---

⁴⁴ См. Основные подходы в работах: Barth F. Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries*. Bergen – Oslo, London. 1969. P. 9 – 38; Shils E. Primordial, Personal, Sacred and Civil Ties // *British Journal of Sociology*. # 7. 1957. Pp. 113 – 145; Keyes Ch. The Dialectics of Ethnic Change // *Ethnic Change* / Ed. by Ch. Keyes. Seattle. 1981. P. 3 – 30.

⁴⁵ Anderson B. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L., 1983. См также других ключевых авторов: Seton-Watson H. *Nations and States. An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of nationalism*. Boulder (Colo), 1977; Геллнер Э. *Нации и национализм*. М., 1991.

мирового пространства. В изучении культуры подчеркивается тенденция к становлению культурно-цивилизационного единства народов Земли.

Партикуляризм в пространственно-политических исследованиях с теоретико-методологической точки зрения опирается на органицизм. Он направлен на защиту локальных традиционных ценностей, ориентированной на самообеспечение экономики и традиционных иерархических обществ. Для реализации этой идеологии часто предлагались идеи «континентального блока» сухопутных держав Евразии. Партикуляризм предполагает, что мировая экономика невозможна без качественной неоднородности социально-экономических пространств, т.е. без господства одних над другими. В области культуры подчеркивается цивилизационный плюрализм.

«Смешанная» модель носит эмпирический характер. Она исследует разные сочетания универсальности и партикулярности, возникающие в различных контекстах. При этом ключевым является структурообразующая деятельность акторов различных типов. Эти тенденции прослеживаются в разных сферах: политики, экономики, культуры. У представителей «смешанной» модели нет ярко выраженной системы ценностно-идеологических приоритетов. Преобладающая в мире ориентация на универсальные или партикуляристские структуры зависит от исторического контекста.

На основании выделенных выше моделей нетрудно заметить, что основное противоречие внутри геополитики, геоэкономики и геокультуры все еще носит нормативный ценностно-идеологический характер. Это – дилемма: универсальное - локальное. Две описанные выше «крайние» модели примыкают к двум полюсам этой дилеммы, а «смешанная модель» стремится сгладить противоречия. Оппозиция универсальное – локальное исходно связана с дискуссиями между великими идеологиями XIX в.: с одной стороны, -либерализм, с другой – консерватизм и социализм-радикализм. В еще большей степени она характерна для дискуссий между современными сторонниками и противниками процессов глобализации.

С эмпирической точки зрения именно в возможности исследования различных соотношений по линии универсальное-локальное и заключена ценность проведенных в рамках геополитики, геоэкономики и геокультуры исследований. Для того, чтобы ее оценить, необходимо отказаться от чисто идеологического противоречия. Как, вслед за Г.В.Ф. Гегелем, показал И. Валлерстайн ⁴⁶, сама дилемма универсальное-локальное ложна. Одно невозможно без другого. Это дает основания для синтеза различных исследований глобальных проблем в рамках геополитики, геоэкономики и геокультуры в единый политико-глобалистский подход с собственной, достаточно строгой научной проблематикой и языком.

Основой для этого синтеза может стать смешанный, эмпирический подход, существующий внутри исследований глобальных проблем. Он, в частности, демонстрирует различные исторически существующие соотношения универсальных и локальных структур на нескольких уровнях (локальный, региональный, общемировой). Эти соотношения являются выражением сложных взаимодействий между акторами разных типов в различных сферах (политика, экономика, культура).

Прежде всего, речь идет о всемирной модернизации и универсальном распространении западной цивилизации (т.е. структур «открытого общества» ⁴⁷). Одновременно наблюдаются различные формы адаптации локальных культур к этому процессу. Эти формы включают в себя и активное сопротивление. Процесс универсальной модернизации не лишен и внутренних противоречий. Например, почему вообще становление открытых обществ в незападных цивилизациях должно проходить путем подражания обществам западным? В частности, Б.Г. Капустин видит базовое противоречие теорий модернизации именно в этом. Они воспринимают модернизацию в качестве синонима подражательного «становления обществ

---

⁴⁶ Валлерстайн И. М. Глобальная культура — спасение, угроза или миф? / <http://www.archipelag.ru/geoculture/concept/global/global-culture/>

⁴⁷ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1—2. М. : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

западного типа». Иными словами, незападным обществам задается конечная цель. В то же время, модерн означает проект принципиально открытого общества. Следовательно, теории модернизации противоречат концепту «модерна».⁴⁸ И разве процессы модернизации и вестернизации означают одно и то же?⁴⁹ Ведь возможен и процесс модернизации на основе незападных ценностей и традиций? На это указывает, в частности, эффективная модернизация восточноазиатских обществ, начиная с Японии конца XIX и вплоть до современного Китая.

Теоретический инструментарий, выражающий все перечисленные выше корреляции, еще предстоит выработать. Пространственные аспекты соотношения универсальных и локальных моментов могут стать специфическим содержанием глобальных исследований, в отличие от других комплексов знаний. На основании такого специфически глобалистского анализа могут строиться конкретные прикладные проекты, связанные с поиском более оптимальных комбинаций (в том числе, для отдельных стран) универсальных и локальных структур. В этих поисках возможно активное использование знаний, накопленных в рамках предшествовавших геополитических, геоэкономических и геокультурных исследований.

---

⁴⁸ Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М.: РОССПЭН, 1998.

⁴⁹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и становление нового мирового порядка. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.